

18+

АМАЛИЯ СИРИН (ИСРАИЛОВА)

Одиночество в высшем обществе

Амалия Сирин (Исраилова)

Одиночество в высшем обществе

«Издательские решения»

Сирин (Исраилова) А.

Одиночество в высшем обществе / А. Сирин (Исраилова) —
«Издательские решения»,

Она — ледяная красавица в позолоченной клетке. Он — мятежный наследник империи. Их случайная встреча на балу в Ковент-Гардене вспыхивает запретной страстью, которая грозит разрушить всё: репутации, состояния, планы. Но Лондон не прощает слабости. Когда таинственный соперник бросает вызов их союзу, а прошлое Роберта оказывается похороненным в тумане амнезии, Оливии предстоит выбрать: спасти любимого ценой собственной свободы — или навсегда остаться ледяной королевой, запертой в золотой тюрьме.

© Сирин (Исраилова) А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Одиночество в высшем обществе

Амалия Сирин (Исраилова)

© Амалия Сирин (Исраилова), 2026

ISBN 978-5-0071-0697-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Дыхание рассвета над Лондоном, едва начавшим сбрасывать покровы ночи, разливался нежный свет. Он касался древних камней, скользил по зеркальной глади Темзы, обещая новый день — такой же, как тысячи предыдущих, и в то же время особенный, хранящий в себе дыхание грядущих изменений. В этот час, когда город ещё дремал, оберегая свои тайны, две души, не ведающие о существовании друг друга, уже устремлялись навстречу своей судьбе, словно мотыльки к невидимому пламени.

Оливия, чьи движения были сродни танцу хрупкой балерины, уже сидела у распахнутого окна, встречая первые лучи солнца. Её взгляд, глубокий, как фиалковая ночь, был устремлён в перспективу, невидимую для других, но отчётливо ощущаемую ею самой. Она была воплощением утончённости и ума, а каждая её мысль, каждый жест дышали стремлением к совершенству.

Она умело скрывала под маской рассудительности ту роковую страсть, что жила в её сердце — страсть, которая шептала ей о бескрайней сцене, о свете рамп, о возможности быть не просто Оливией, но Оливией, переживающей тысячи жизней под аплодисменты публики. Её нежная красота была обманчива; за ней таился нестигаемый стержень, созданный из мечтаний и тайных желаний, готовых сжечь её дотла или вознести до небес.

Где-то далеко, за стенами старинного особняка, оплетённого не только плющом, но и паутиной фамильных секретов, Роберт только открывал глаза. Его пробуждение было похоже на внезапно вспыхнувшую искру, способную зажечь целый фейерверк. В каждом его движении чувствовалась скрытая сила, в каждом взгляде мерцал вызов. Сын богатой семьи, он нёс на себе печать роскоши, которая несла ему не свободу, а ощущение золотой клетки. Его красота была дерзкой, обжигающей, способной заморозить и испугать одновременно. Мир видел в нём лишь ветреного денди, но под этой лёгкой маской скрывался мятежный дух, не желающий подчиняться никаким правилам, кроме собственных. Он был подобен дикому, необузданному ветру, сметающему всё на своём пути, и скука была для него худшей из пыток. Единственный человек к кому он испытывал нежные чувства была его сестренка Кейт.

Они были словно две крайности одного прекрасного мира: она — тихая заводь, хранящая неведомые глубины; он — бушующий океан, чей прибой не знает усталости. Их объединяла лишь редкостная, откровенно бросающаяся в глаза красота, и эта красота, казалось, лишь подчёркивала их полярность. Её характер, тонкий и изысканный, хранил в себе твёрдость алмаза; его же был подобен стихии, всегда готовый к переменам. Эти различия были не просто контрастом, они были предвестием бури, которая должна была поглотить их обоих и изменить до неузнаваемости.

Невидимые нити уже начали сплетаться, затягиваясь вокруг этих двух непохожих судеб. Воздух, казалось, был наэлектризован предвкушением неминуемой встречи, которая должна была случиться между ними. Они ещё не знали, какой страстью, какой болью и какой всеобъемлющей любовью обернётся их столкновение. Но город, который видел так много историй, уже замер в ожидании грядущего романа — романа, что обещал быть таким же прекрасным и опустошительным, как первая любовь, и таким же непредсказуемым, как сама жизнь.

Первые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь лондонский туман, освещали не только комнату Оливии, но и портрет её матери, Элеоноры Хартфорд, в тяжёлой золочёной раме. Леди Хартфорд, чьи черты Оливия унаследовала почти без изменений, с холста смотрела строгим, печальным взглядом. Её история была притчей во всём высшем свете: блестящая красавица,

вышедшая замуж по расчёту за сэра Артура Хартфорда, человека на двадцать лет старше, чьё состояние уступало лишь его холодности. Сэр Артур, чей день начинался с просмотра биржевых сводок в кабинете, обставленном тёмным дубом, видел в дочери не душу, а актив. Её будущее было для него шахматной партией, где главным ходом станет столь же выгодный брак. Единственной отдушиной Оливии была мисс Клара Эштон, её бывшая гувернантка, а теперь — доверенное лицо, седовласая женщина с глазами цвета старого серебра. Именно Клара, сама в юности мечтавшая о сцене, тайком водила девочку в театр и шептала ей о силе перевоплощения, зажигая в её сердце тот самый «роковой огонь».

В это же время в особняке на другой стороне площади Роберт лениво отбивался от попыток камердинера привести его в презентабельный вид. Дух этого дома, тяжёлый и насыщенный ароматом дорогого табака и старого коньяка, исходил от его отца, лорда Альфреда Честертона. Человек-скала, чья репутация была выстроена на железной хватке в бизнесе и безупречных связях, он смотрел на единственного сына как на наследника империи и, увы, как на её главную проблему. Их диалоги давно превратились в перестрелки колкостями. Мать Роберта, Изабелла, давно утонула в мире светских раутов и благотворительных комитетов, предпочитая не замечать бурю в собственном доме. Истинную семью Роберт обрёл не в родовых стенах, а в лице своего друга детства, Джека О'Брайена. Сын ирландского конюха, ставшего удачливым торговцем лошадьми, Джек был полной его противоположностью — коренастый, весёлый, с искрящимися насмешливыми глазами. Он был той самой связью Роберта с реальным, пахнущим потом, сеном и свободой миром, где можно было дышать полной грудью, не оглядываясь на условности.

Оливия и Роберт. Их миры, казалось, были разделены не просто расстоянием, а целыми вселенными. Её окружение — это тихие чаепития с дочерьми таких же, как её отец, аристократов, где главными темами были погода и удачные партии. Его круг — это азартные скачки, шумные мужские клубы и рискованные пари, где он искал острых ощущений, которых так не хватало в размеренной жизни, предписанной ему с рождения.

Но Лондон — город тесный для таких судеб. Нитью, которая незримо потянулась между этими двумя полюсами, стал предстоящий ежегодный благотворительный бал в оперном театре Ковент-Гарден, событие, на которое съезжался весь цвет общества. Леди Хартфорд видела в нём идеальную площадку для начала «представления» своей дочери. Лорд Честертон же считал его обязанностью — явиться, дабы поддерживать фамильный престиж. Для Оливии это был шанс украдкой увидеть тот самый храм искусства изнутри, даже если под сводами вместо оперы будет звучать светский гул. Для Роберта — очередная скучная обязанность, которую, впрочем, можно было скрасить, устроив какую-нибудь дерзкую выходку.

Они ещё не знали, что их пути уже начали сходитьсь. Что сэр Артур и лорд Альфред ведут закулисные переговоры о слиянии капиталов, и бал может стать первым шагом к чему-то большему. Что Джек О'Брайен, поставляющий лошадей в конюшни Хартфордов, как-то обмолвился перед Робертом о неземной, грустной барышне, которую видел в окне особняка. Что мисс Клара, листая утреннюю газету, вздохнула, прочитав о новой проделке молодого Честертона, и сказала Оливии:

— Опасные люди, дитя моё, бывают самыми интересными. И самыми несчастными.

Воздух Лондона, пропитанный запахом дождя, угля и надежд, действительно был наэлектризован. Две истории, два наследия, два бремени несли на своих плечах эти двое. И город, видевший всё, затаил дыхание в ожидании момента, когда тихая заводь и бушующий океан наконец встретятся, чтобы породить нечто совершенно новое, непредсказуемое и необратимое. Их первая встреча была уже не вопросом «если», а вопросом «когда». И судьба назначила свидание на предстоящем балу, под сводами, где когда-то лились оперные арии о любви и страсти.

Глава 2

Лондон готовился к балу в Ковент-Гардене с тихим, но настойчивым гулом. В доме Хартфордов царила атмосфера, напоминавшая подготовку к военному смотру. Сэр Артур, просматривая утреннюю почту, бросил на дочь оценивающий взгляд поверх газеты.

— Платье должно быть бледно-голубым, Элеонора, — произнёс он, не глядя на жену. — Оно подчеркнёт её... ликвидность. Лорд Честертон будет там со своим сыном. Полезное знакомство.

Леди Хартфорд лишь кивнула, её пальцы нервно перебирали жемчужное ожерелье. Она знала, о каких «полезных знакомствах» шла речь. Оливия, стоя у окна и делая вид, что рассматривает сад, чувствовала, как стены смыкаются вокруг неё. Её спасением стала мисс Клара, появившаяся с подносом для завтрака.

— Ваш отец, кажется, путает бал с аукционом Сотбис, моя дорогая, — тихо прошептала она, расставляя чашки. — Не позволяйте ярлыку с ценой заслонить ваше имя.

В это же утро в особняке Честертонов разыгрывалась иная комедия. Камердинер Томас, человек с лицом, похожим на высушенную грушу, с отчаянием гонялся за Робертом с щёткой для одежды.

— Мистер Роберт, сэр, на вас пылинки! Лорд ваш отец приказал...

— Отец приказал мне дышать, Томас, и то с оговорками, — парировал Роберт, ловко уворачиваясь. — Если я буду сидеть неподвижно, как мумия, пыли на мне не прибавится, согласен?

Его спасителем, как всегда, стал Джек О'Брайен, ввалившийся в комнату без стука, от него пахло конюшней и свежим ветром.

— Смотри-ка, Роб, тебя готовят, словно жертвенное животное для важного ритуала, — рассмеялся он, уворачиваясь от брошенной Робертом подушки. — Говорят, на этом балу будет полным-полно ангелов со скучающими лицами. Один вид уже должен заставить тебя вести себя прилично.

— Единственный ангел, которого я хочу видеть, — это ангел-избавитель, который унесёт меня отсюда, — мрачно пошутил Роберт. — Парируем, что я дотерплю до полуночи?

— До полуночи? — фыркнул Джек. — Я дам тебе час. И поставлю не на тебя.

Тем временем мисс Клара, помогая Оливии примерять бальное платье, рассказывала забавные истории из своей молодости.

— ...И представьте, этот молодой актёр, игравший Ромео, так увлёкся, что, произнося: «Но мягкий, что за свет вон в том окне?», споткнулся о свой же плащ и с грохотом свалился со сцены в суфлёрскую будку! Весь трагизм момента испарился, зал рыдал от смеха. А он, бедняга, оттуда кричит: «Это я, Меркуцио, я ранен!» — Оливия рассмеялась, и на мгновение грусть покинула её глаза. — Видите, дитя моё, даже в высоком всегда есть место человеческому и смешному. Помните об этом, глядя на всех этих важных господ.

Бал в Ковент-Гардене стал калейдоскопом света, шепота, музыки и притворства. Оливия, в своём бледно-голубом платье, казалась призраком из другого, более тонкого мира среди тяжёлых драпировок и громких голосов. Она стояла рядом с матерью, автоматически отвечая на реплики, но её взгляд жадно впитывал детали: позолоченную лепнину, бархат лож, сцену, скрытую за занавесом. Здесь пели о любви. Здесь жила её запретная мечта.

Роберт, затянутый в безупречный фрак, чувствовал себя птицей в золотёной клетке. Он отбивался от расспросов знакомых, ловил насмешливый взгляд Джека, маячившего где-то у входа (тот проник внутрь, представившись «поставщиком цветов для буфета», чем невероятно гордился), и изнывал от скуки. Он уже планировал тихо исчезнуть в один из боковых коридоров, когда его отец, лорд Альфред, железной хваткой взял его под локоть.

— Роберт, подойди. Позволь представить тебя сэру Артуру Хартфорду и его семье. Прояви хоть тень интереса, это важно.

И вот они оказались лицом к лицу. Две группы, два мира. Вежливые улыбки, кивки, представления. Сэр Артур и лорд Альфред обменивались тяжёлыми, значимыми фразами о погоде, политике и перспективах. Леди Хартфорд и Честертон мягко улыбались. Роберт делал вид, что слушает.

Их взгляды встретились случайно. Роберт, отведя глаза от скучной беседы, увидел её. Она смотрела не на него, а куда-то поверх голов, в пространство, и в её фиалковых глазах была такая глубокая, такая знакомая ему тоска по чему-то недостижимому, что он на мгновение замер. Это не было обычной светской скукой. Это было отражение его собственной души.

Оливия, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, опустила глаза и встретила с ним взглядом. Она увидела не насмешливого денди, о проделках которого читала в газетах. Она увидела вызов. Искру. Ту самую опасность, о которой шептала мисс Клара. И что-то ещё — рану, тщательно скрытую под маской равнодушия. Её сердце сделало неожиданный, тревожный толчок.

Они не улыбнулись друг другу. Не обменялись приветствиями. Они просто смотрели, и в этой тишине, под аккомпанемент светского гула и вальса, между ними промчалась целая буря. В нём она увидела олицетворение той свободы и страсти, которых ей так не хватало. В ней он увидел не холодную статую, а живое, страдающее существо, запертое в такой же, как у него, клетке, только сделанной из фарфора и условностей.

— Мисс Хартфорд, позвольте представить вам моего сына, Роберта, — раздался голос лорда Альфреда, разрушая момент. — Роберт, это леди Оливия Хартфорд.

Он взял её руку, едва касаясь кончиками пальцев. Её перчатка была холодной, его пальцы — тёплыми.

— Очарован, — произнёс он, и в его голосе прозвучала не стандартная учтивость, а тихая, едва уловимая насмешка над всей этой ситуацией, в которую они были поставлены.

— Мистер Честертон, — едва слышно ответила она, и её голос, чистый и мелодичный, контрастировал с окружающим шумом.

Их руки разомкнулись. Родители заговорили о чём-то своём. Мир вернулся в привычное русло. Но что-то щёлкнуло. Загадка была задана. Симпатия, острая и необъяснимая, пронзила их обоих, как игла. И тут же пришло отталкивание — инстинктивное понимание, что этот человек, эта девушка, могут стать самой большой опасностью в их и без того сложных жизнях. Трагедия этой встречи уже витала в воздухе — они были пешками в игре своих отцов, и любое сближение грозило катастрофой.

Но когда оркестр заиграл очередной вальс, и Роберт, следуя жесткому взгляду отца, склонился перед ней в немым приглашении, а Оливия, встретившись взглядом с тревожными глазами мисс Клары, сделала шаг вперёд, в их молчаливом согласии родилась тайна. Тайна двух душ, узнавших друг в друге и тюремщика, и единственного возможного союзника по побегу.

Их танец был идеально правильным, дистанция между телами — безупречной. Но когда они кружились под сводами, где когда-то лились оперные арии, он тихо, так, чтобы слышала только она, сказал:

— Вы смотрите на эту сцену так, будто хотите её украсть и убежать с ней.

Она, не меняя выражения лица, ответила шёпотом:

— А вы смотрите на этот зал так, будто хотите его поджечь, просто чтобы посмотреть, как он горит.

Уголок его рта дрогнул. Это не была улыбка. Это было признание.

— Возможно, мы оба — воры и поджигатели, мисс Хартфорд. Только методы разные.

— Или цели одни, — неожиданно для себя парировала она. — Просто мы ещё не знаем, какие.

Музыка стихла. Они расстались, как и положено едва знакомым людям. Но с этого мига между ними протянулась невидимая, прочная нить, сплетённая из молчаливого понимания, опасного любопытства и тени будущей, неизбежной бури, в которой смешаются трагедия, смех, отчаяние и та странная, горькая шутка, которую затеяла с ними судьба. Их игра только началась.

Глава 3

Лондон, словно уставший актёр после грандиозной премьеры, погрузился в серые будни, отмеченные моросящим дождём. Но в сердцах двух его обитателей продолжал звучать тот самый вальс, превратившийся теперь в навязчивую, тревожную мелодию.

Их следующая встреча была случайной и оттого ещё более заряженной. Оливия, в сопровождении всё той же неотлучной мисс Клары, рассматривала книги в лавке на Пикадилли. Дождь стучал в стёкла, превращая улицу в размытую акварель. Она тянулась к томику Шекспира, когда с другой стороны полки протянулась рука в дорогой кожаной перчатке. Их пальцы едва не соприкоснулись на корешке «Гамлета».

Оливия вздрогнула и отступила. Из-за полки появился Роберт, его волосы были слегка взъерошены дождём, а в глазах вспыхнула та самая опасная искра узнавания.

— Мисс Хартфорд. Кажется, мы претендуем на один и тот же трофей, — произнёс он, не скрывая лёгкой насмешки. Его голос звучал глухо в тишине лавки, пахнувшей старым пергаментом и пылью.

— Мистер Честертон. Я полагала, ваши литературные интересы ограничиваются скаковыми листками, — парировала Оливия, поднимая подбородок. Сердце её бешено колотилось, но голос оставался ровным, ледяным.

— О, вы недооцениваете меня. Иногда и в листках попадаются настоящие трагедии, — он взял книгу, листая страницы. — Быть или не быть... Вечный вопрос. Особенно когда тебя вынуждают «быть» кем-то совершенно определённым, не так ли?

Мисс Клара, наблюдавшая с безопасного расстояния, кашлянула. Оливия почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он говорил прямо о том, о чём она боялась думать даже в тишине своей комнаты.

— Философия — опасное занятие для беззаботного денди, — сказала она, отворачиваясь к другим полкам. — Может сбить с пути, предначертанного столь... ответственными отцами.

Роберт рассмеялся, коротко и беззвучно.

— А вы, я вижу, мастер скрытых укулов, мисс Хартфорд. Полагаю, это искусство оттачивается на тех самых тихих чаепитиях?

Они стояли спиной друг к другу, будто случайные покупатели, а слова их были остры, как отточенные клинки. Но в этой словесной дуэли была странная, почти болезненная откровенность.

— Искусство выживания, мистер Честертон, — тихо ответила она. — Не более того.

Он положил книгу обратно на полку, рядом с её рукой.

— Тогда, возможно, нам стоит обменяться опытом. Выживание — моя вторая натура. Хотя мой метод, как вы верно подметили, больше похож на поджог.

Не дожидаясь ответа, он кивнул мисс Кларе и вышел из лавки, растворившись в серой пелене дождя. Оливия осталась сжимать в руках ненужный теперь томик, чувствуя, как жар от его слов смешивается с холодом страха.

Их противостояние, окрашенное яростным отрицанием симпатии, продолжилось на скачках в Аскоте. Роберт был там со своей бандой — Джеком и парой других таких же беспокойных молодых людей. Оливию привез отец, желавший продемонстрировать семью в «непридуманной» обстановке. Они оказались в соседних ложах.

Роберт, щеголяя в безупречном сером костюме, делал громкие, заведомо провокационные ставки, явно бросая вызов чопорной публике. Его смех был слишком громким, жесты — слишком размашистыми. Сэр Артур брезгливо морщился.

— Взгляни, Элеонора, — прошипел он. — Дурной пример. И это — потенциальный партнёр. Отец, кажется, потерял над ним контроль.

Оливия, поднося к глазам бинокль, чтобы следить за лошадьми, невольно поймала в объектив Роберта. Он в этот момент, откинувшись на спинку кресла, смотрел прямо на неё. И подмигнул. Дерзко, вызывающе. Она резко опустила бинокль, чувствуя, как кровь бросается в щеки от гнева и чего-то ещё, совершенно непозволительного.

Когда её отец отошёл поговорить с деловым знакомым, а леди Хартфорд углубилась в беседу с подругой, Оливия ненадолго осталась одна у барьера. К ней тут же подскочил Джек О'Брайен, сияющий и неутомимый.

— Мисс Хартфорд, позвольте представиться — Джек, друг этого негодяя, — он кивнул в сторону Роберта. — Он поспорил со мной, что вы отличите гнедого от рыжего. Я, будучи джентльменом, сказал, что это низко даже для него. Разрешите заглядить его вину? — Он протянул ей крошечный букетик фиалок, явно сорванный где-то на поле.

Оливия была ошарашена, но невольная улыбка тронула её губы.

— Вы проиграли бы своё пари, мистер О'Брайен. Я различаю не только масти, но и пороки.

— Ой, не говорите ему этого, — засмеялся Джек. — Он возомнит себя Шерлоком Холмсом, раскусившим вашу тайную страсть к ипподрому. А он и так невыносим.

В этот момент подошёл Роберт, хмуро глядя на Джека. — О'Брайен, ты надоедаешь леди?

— Напротив, спасаю честь нашего круга, — парировал Джек. — Мисс Хартфорд, если этот меланхолический циник когда-нибудь вам наскучит, наша компания всегда рада даме, разбирающейся в лошадях и, как я подозреваю, обладающей отменным чувством юмора. — И с этим он скрылся в толпе.

Роберт и Оливия остались одни, разделённые деревянным барьером и целой вселенной условностей.

— Ваш друг... очень непосредственен, — произнесла Оливия, вертя в пальцах фиалки.

— Он идиот, — отрезал Роберт, но в его голосе не было злобы. — Но он прав в одном. Вы здесь выглядите как лебедь на скотном дворе. Не по вам это место.

— А по вам? — вспыхнула она. — Все эти крики, грязь, азарт? Это и есть ваша знаменитая свобода?

— Нет, — неожиданно серьёзно ответил он. — Это просто шум, который заглушает тишину. Тишину, которую вы, кажется, носите с собой, как ту самую невидимую клетку.

Она замерла. Он снова говорил прямо в самое сердце. Прежде чем она нашла ответ, раздался голос её отца, звавший её. Не сказав больше ни слова, она повернулась и ушла, сжимая в кулаке уже помятые фиалки. Он смотрел ей вслед, а потом с силой сломал о барьер свою программу скачек.

Их странная, враждебная близость росла, как грибок в сыром подвале. Они сталкивались на благотворительных концертах, где он зевал в первом ряду, а она ловила каждую ноту, мечтая о сцене. Они пересекались в Гайд-парке во время утренних променадов: она — в тщательно подобранном экипаже с матерью, он — верхом на гнедом скакуне, проносясь мимо с такой скоростью, что ветер взметал полы её накидки. Их взгляды встречались — и тут же отскакивали, как одноимённые полюса магнита.

Перелом случился на пикнике, который устроили общие знакомые — семья, пытавшаяся балансировать между мирами Хартфордов и Честертонов. Это была неловкая попытка «молодёжного» времяпрепровождения. Оливию привезли, Роберт явился с Джеком, явно собираясь сбежать при первой возможности.

Погода, словно сжалившись, выдала день удивительной, мягкой красоты. Солнце ласкало изумрудную поляну у реки, ветерок шелестел листьями дубов, а в воздухе витал сладкий запах скошенной травы и дикого клевера. Бабочки порхали над полевыми цветами, а где-то вдали паслось стадо овец, довершая идиллическую картину.

После чопорного обеда молодёжь, под присмотром старших, но с некоторой долей свободы, разбрелась по лугу. Оливия отошла к самой кромке реки, жадно вдыхая воздух, не отравленный духами и сплетнями. Здесь, среди шепота воды и пения птиц, она могла на миг забыть, кто она.

Её покой нарушил Роберт. Он подошёл молча, стоял сзади, глядя на воду.

— Идеальное место, чтобы сыграть Офелию, — произнёс он наконец. — Вода, цветы, трагическая участь. Вам бы это удалось.

Она не обернулась.

— Вы находите, что у меня трагическая участь, мистер Честертон?

— Я нахожу, что мы оба играем в плохих пьесах, написанных не нами. Просто ваш персонаж — невинная жертва, а мой — законченный негодяй. Хотя, возможно, и у негодяя бывают моменты просветления.

Она обернулась и увидела, что он не шутит. На его лице была усталость, которую она никогда раньше не замечала.

В этот момент с другого конца поляны донёсся испуганный крик одной из девушек. К её ногам, шумно свалившись с низкой ветки, упал птенец Сороченка, беспомощно забивший крылышками. Над ним уже кружила встревоженная сорока-мать. К группе подбежали молодые люди, началась неразбериха: кто-то предлагал взять птенца, кто-то боялся, что мать его забьёт.

И тут, к всеобщему удивлению, вперёд шагнула Оливия. Спокойно, не обращая внимания на перешёптывания, она сняла свою тонкую шёлковую шаль, аккуратно накрыла ею испуганного птенца и мягко подняла его.

— Ему нужно вернуться в гнездо, — сказала она твёрдо. — Мистер О’Брайен, вы, кажется, самый ловкий. Не могли бы вы?

Джек, не задумываясь, полез на дерево под восторженные взгляды дам и неодобрительное ворчание старших. Роберт в это время стоял рядом с Оливией, закрывая её от всеобщего любопытства своим плечом, словно щитом.

— Героический поступок, мисс Хартфорд, — пробормотал он так, чтобы слышала только она. — Но теперь ваша шаль в сорочьем помёте. Ваша мать, полагаю, придёт в ужас.

— Пусть, — неожиданно резко ответила Оливия, всё ещё держа на ладонях тёплый комочек под шалью. — Иногда помёт реальности ценнее безупречной чистоты вымысла.

Джек успешно водворил птенца в гнездо. Все вздохнули с облегчением, заплодировали. Но когда суматоха улеглась и все пошли к экипажам, Оливия обнаружила, что её шаль, аккуратно сложенную, несёт Роберт. Она была явно вытерта о траву, но чиста.

— Я не мог позволить, чтобы улики вашего бунта попали в чужие руки, — сказал он, возвращая её. Их пальцы снова встретились. — Сегодня вы рискнули репутацией ради Сороченка. Завтра, чего доброго, решитесь на что-то большее.

— А вы? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Вы сегодня стояли рядом. Не для вида. Чтобы... чтобы меня не толкали.

Он замолчал, и в его глазах бушевала внутренняя борьба.

— Не ищите во мне рыцаря, Оливия, — наконец выдохнул он, впервые назвав её по имени. Это прозвучало как признание и как предупреждение. — Я тот, кто поджигает мосты. И я могу сжечь заодно и ваш.

— Мои мосты, — прошептала она, — уже давно тлеют изнутри. Возможно, нам нужен один и тот же огонь, чтобы от них избавиться.

Они не сказали больше ни слова. Он помог ей подняться в экипаж, его прикосновение было кратким и жгучим. Лорд Честертон, наблюдавший с другого конца поляны, нахмурился. Сэр Артур что-то неодобрительно говорил жене.

А над Лондоном, возвращавшимся к своим дымным сумеркам, сгущались тучи. Буря, которую они оба чувствовали, уже не была метафорой. Она приближалась, неся с собой запах

озона и неотвратимость выбора. И в центре этого зарождающегося урагана стояли они двое — враги, союзники, единственные зрители в театре друг друга, готовые на всё, лишь бы пьеса наконец сменилась.

Глава 4

Лондон погрузился в состояние удушливой, тягучей жары, предшествующей грозе. Воздух, густой и влажный, словно пропитанный расплавленным свинцом, обволакивал город, делая каждое движение усилием. Солнце, скрытое за плотной пеленой медного цвета туч, не давало света, лишь источало нестерпимый жар. Листья на деревьях в Гайд-парке висели безжизненно, покрытые слоем пыли. Темза текла лениво и мутно, отражая свинцовое небо. Весь город замер в тяжком, тревожном ожидании, будто природа затаила дыхание перед вздохом колоссальной силы. В этом знойном мареве даже звуки приглушались — стук копыт по булыжнику, отдалённые крики разносчиков, всё тонуло в густом, неподвижном воздухе. Запах нагретого камня, конского навоза и увядающих цветов в скверах смешивался в один тяжёлый, предгрозовой аромат.

В такие дни Оливия казалась особенно хрупкой и неземной. Её фигура, высокая и изящная, была воплощением грации. Каждое её движение, будь то поворот головы или лёгкий взмах руки, обладало отточенной, почти музыкальной плавностью. Её лицо, обрамлённое волнами густых волос цвета тёмного мёда с рыжеватыми отсветами, напоминало работу тончайшего фарфора. Высокий, чистый лоб, тонкие, идеально очерченные брови дугой и длинные ресницы, отбрасывавшие тени на щёки. Но главным чудом были её глаза — огромные, миндалевидные, цвета фиалок в сумерках, глубокие и выразительные. В них жила целая вселенная: мечтательность, острый ум, скрытая печаль и вспышки неподдельного, живого огня. Прямой, изящный нос и губы — не полные, но чётко очерченные, естественного нежно-розового оттенка, — складывались в выражение сдержанной, внутренней сосредоточенности. Её кожа была бледной, почти фарфоровой, с лёгким, едва уловимым румянцем на скулах, который проявлялся лишь при волнении. Она носила платья пастельных, приглушённых тонов — лавандовые, нежно-зелёные, цвета утреннего неба, — которые лишь подчёркивали её хрупкую, почти эфирную красоту и контрастировали с тёмными волосами, уложенными в сложную, но элегантную причёску с несколькими непослушными локонами у шеи.

Роберт же был полной противоположностью, высеченной из более тёмного и бурного мрамора. Он был высок и строен, но в его осанке чувствовалась не аристократическая выправка, а природная, хищная грация и скрытая мощь. Его волосы, цвета воронова крыла с синеватым отливом, всегда были слегка взъерошены, будто он только что вышел из схватки с ветром. Они падали на высокий лоб непослушной прядью, которую он постоянно отбрасывал назад резким движением головы. Черты его лица были резкими, дерзкими: тёмные брови, под которыми горели глаза — пронзительные, цвета штормового моря, серо-стальные с золотистыми искорками. В них читались насмешка, скука, вызов и глубокая, тщательно скрываемая ярость. Прямой, решительный нос, резко очерченные скулы и упрямый подбородок с едва заметной ямкой. Его губы, тонкие и выразительные, чаще всего были поджаты в полупрезрительную усмешку, но могли неожиданно смягчиться, открываясь для редкой, искренней улыбки, которая преображала всё его лицо. Он носил тёмные, строгие костюмы, но всегда с лёгким намёком на небрежность — расстёгнутый воротник, чуть сдвинутый набок галстук, — словно бросая вызов самой идее безупречности.

Их случайные встречи в этом душном мареве стали учащаться, словно магнитная буря сводила их пути. В картинной галерее на Беркли-сквер они оказались перед одним полотном — мрачным пейзажем с грозовым небом.

— Предсказуемо, — произнёс Роберт, не глядя на неё, его голос был низким и немного хрипловатым. — Вы тянетесь к драме даже на холсте, мисс Хартфорд. Ищете инструкцию по применению?

Оливия, не отводя взгляда от бури на картине, ответила с ледяной вежливостью:

— Я изучаю игру света перед катаклизмом, мистер Честертон. Искусство предчувствия. Вам, я полагаю, знакомо лишь искусство его провокации.

Их взгляды встретились в отражении стекла, защищавшего картину. В его стальных глазах вспыхнул азарт, в её фиалковых — холодный вызов. Они стояли так несколько секунд, разделённые пространством зала и невидимой, натянутой струной взаимного притяжения и отторжения.

В библиотеке клуба, куда её отец привёл её «для вида», их пальцы снова едва не соприкоснулись, тянусь к одному тому историческим хроник. Она резко отдернула руку, будто обожглась.

— Кажется, наши вкусы снова совпадают, — пробормотал он, слишком близко наклонившись, чтобы его не услышали другие. От него пахло дорогим табаком, кожей и чем-то опасным, как запах озона перед грозой. — Хотя я искал главу о дворцовых переворотах. Более... наглядное руководство.

— А я — о последствиях таких переворотов, — парировала она, отступая на шаг, но не опуская глаз. — Они обычно плачевны для всех участников, особенно для наивных заговорщиков.

— Наивность — не ваш порок, Оливия, — прошептал он, и её имя на его устах прозвучало как обвинение и признание одновременно. — Ваш порок — это страх. Красивый, застеклённый, но страх.

Она не ответила, лишь побледнела ещё больше, развернулась и ушла, чувствуя, как его взгляд прожигает ей спину.

Злость отцов копилась, как электричество в тучах. Сэр Артур Хартфорд, заставший дочь у окна, задумчиво смотрящей в сторону, где вдали виднелись конюшни Честертонов, устроил ей допрос за чаем.

— Этот молодой Честертон, — начал он, откладывая газету, и его голос, всегда ровный и сухой, зазвенел, как лезвие. — Я наблюдал. Он ищет твоего общества с настойчивостью, недостойной джентльмена. А ты... ты отвечаешь. Не словами — взглядами. Эта глупая, наигранная игра в кошки-мышки.

— Отец, я... — начала Оливия, но он резко перебил её.

— Молчи! Я не слеп. Я вижу эту глупую, дешёвую вспышку в твоих глазах. Влюблённость. В такого! В ветреника, в позёра, который промотает состояние отца на скачках и картах! Он — плохая инвестиция, Оливия. Очень плохая. И я не позволю тебе вложить в него нашу репутацию, наш капитал, твоё будущее. Ты поняла меня? Да, я думал о вашем союзе, но теперь понял, что он не серьёзен.

Его слова, холодные и расчётливые, как удар скальпелем, ранили глубже любой грубости. Слезы, горькие и унижительные, выступили на её глазах, но она не позволила им скатиться, лишь сжала пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Я — не инвестиция, отец, — выдохнула она, и её голос, тихий и дрожащий, был полон отчаянной смелости. — Я — ваша дочь.

— Ты — наследница, — безжалостно поправил он. — И твои чувства — это валюта, которую тратят с умом, а не разбрасывают по первому ветреному поводу. Забудь его. Или я помогу тебе забыть.

В особняке Честертонов буря разразилась за обедом. Лорд Альфред, получивший от своих осведомителей отчёт о «слишком частых случайностях», обрушил на сына всю тяжесть своего презрения.

— Хартфордша? — его голос гремел, заставляя дрожать хрусталь на столе. — Ты решил позабавиться с дочерью моего потенциального партнёра? Идиот! Ты думаешь, я не вижу, как ты кружишь вокруг неё, как голодный волк? Но это не лес, Роберт! Это деловой мир! Одна ошибка, один намёк на скандал — и миллионы рухнут!

Роберт сидел, откинувшись на спинку стула, с мертвенной, холодной усмешкой на лице.

— Успокойтесь, сэр. Я просто развлекаюсь. Она забавная — холодная, как статуя, но, если присмотреться, в глазах трещинки. Интересно, что будет, если её уронить.

Эта фраза, жестокая и циничная, сказанная специально, чтобы ранить отца и самого себя, повисла в воздухе. Но лорд Альфред не купился.

— Не ври мне! — проревел он, ударив кулаком по столу. — Я видел, как ты на неё смотришь! Не как на игрушку. Как на... на родственную душу. Это хуже, чем простой флирт. Это — слабость. А слабость в нашем мире ведёт к краху. Оставь её. Или, клянусь, я отрежу тебя от всего. От наследства, от имени, от этого города. Будешь нищим, и тогда посмотрим, будет ли тебя интересовать глубина взгляда какой-то барышни! Тем более, ее отец уже плохо смотрит на тебя. Он считает тебя опасным потомком.

Роберт встал, и его лицо исказила такая ярость, что даже лорд Альфред на миг отступил.

— Может, я и хочу быть нищим! Может, это имя, этот дом, вы — всё это та клетка, которую я мечтаю сжечь дотла! И она... она просто ещё один прут в этой решётке, только позолоченный!

Он выбежал из столовой, хлопнув дверью с такой силой, что звенели стёкла в буфете. Но в его собственных глазах, когда он остался один в темноте кабинета, стояли не слёзы ярости, а слёзы бессилия и странной, непонятной ему самому боли — боли от того, что он назвал её «прутом», солгал в лицо отцу и, главное, самому себе.

А гроза всё не приходила. Воздух сгущался, наливаясь свинцовой тяжестью. Две души, измученные зноем внешним и внутренним, металась в своих позолоченных клетках, чувствуя, как стены смыкаются, а единственный луч понимания исходит от того, кого они должны ненавидеть. И когда первые тяжёлые капли, наконец, упали на раскалённые камни мостовой, зашипев и испарившись в мгновение, это было похоже не на облегчение, а на начало долгого, беспощадного потопа.

Глава 5

Первые тяжёлые капли дождя, упав на раскалённые камни, не принесли облегчения. Они шипели и тут же исчезали, словно слезы, пролитые впустую. Воздух оставался густым, теперь уже пропитанным запахом мокрой пыли и озона. Лондон затянулся серой, слезливой пеленой, в которой тонули очертания зданий и деревья, похожие на размытые акварельные пятна.

Оливия стояла у окна в гостиной, одетая в платье из бледно-серого муслина с высоким воротником, отделанным кружевом. Оно было скромным, почти аскетичным, и казалось, вбирало в себя весь унылый свет дождливого дня. Её пальцы бесцельно перебирали складки шторы из тяжёлого бархата цвета запёкшейся крови. За окном мир растворился в потоках воды, и это было похоже на её собственное состояние — чёткие границы расплылись, оставив лишь смутную, тревожную тоску. Мысли об отцовских словах жгли, как раскалённые угли: «инвестиция», «валюта», «плохая сделка». Она чувствовала, как внутри неё медленно, но верно что-то твердеет, превращаясь в холодный, неприступный лёд. Неприятие всего — этой комнаты, этих условностей, самой себя, покорно принимающей свою роль, — поднималось к горлу горьким комом.

Роберт в это время скакал по промокшим полям за городом, под проливным дождём. Его тёмно-синий редингот, намокший, потемнел до черноты, прилип к плечам. Вода стекала с полей его цилиндра, смешиваясь с дождём на лице. Он гнал лошадь безжалостно, пытаясь загнать внутреннюю бурю, выжечь ярость и то унижительное чувство слабости, что пробудила в нём Оливия. Каждое слово отца — «слабость», «крах» — отдавалось в висках молотом. Он ненавидел эту игру, ненавидел ожидания, ненавидел себя за то, что эта хрупкая девушка в бледных платьях стала для него не просто забавой, а разрывом снаряда, вскрывшим все его собственные фальшивые укрепления.

Их предпоследняя встреча произошла в Британском музее, под сводами, где царила гробовая тишина, нарушаемая лишь эхом шагов. Дождь хлестал по высоким окнам. Оливия была с мисс Кларой, рассматривая античные бюсты. На ней было платье цвета морской волны, а на плечи накинута ажурная шаль из кремовой шерсти. Она казалась частью этого холодного, мраморного мира — прекрасной, но безжизненной.

Он появился из-за колоннады неожиданно, как всегда. В тёмном костюме, без верхней одежды, с каплями дождя в тёмных волосах. Увидев её, он остановился, и его лицо, обычно искажённое насмешкой, на мгновение стало просто усталым.

— Мисс Хартфорд. Ищете среди развалин образцы для подражания? — его голос прозвучал глухо в пустом зале.

Она обернулась, и её фиалковые глаза встретились с его взглядом. В них не было прежнего вызова, лишь глубокая усталость и что-то вроде смирения, которое злило его больше любой насмешки.

— Я ищу следы цивилизаций, которые считали себя вечными, мистер Честертон. И не нашла их. Только пыль. Это успокаивает.

Мисс Клара, почуяв напряжение, тактично отошла к следующей витрине.

Роберт приблизился, и запах мокрой шерсти, кожи и дождя от него накрыл её. Он всегда пахнул движением, свободой и опасностью.

— Вы говорите, как будто вам отмерено всего несколько дней, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Что случилось? Ваш отец провёл с вами беседу?

Она не стала отрицать. Кивнула, глядя на трещину в мраморном лице какой-то римской матроны.

— А ваш?

— О! Мы взаимно осыпали друг друга комплиментами, — он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Он считает тебя моей слабостью. Ошибкой в расчётах.

Слово «слабость» задело её. Она резко подняла на него глаза.

— А я? Я для вас слабость, мистер Честертон?

Он замер, его стальные глаза впились в неё с такой интенсивностью, что ей стало трудно дышать.

— Вы — землетрясение под фундаментом моей тюрьмы, Оливия. И я не знаю, что страшнее — обрушение или вечное заточение.

Она содрогнулась, услышав своё имя.

— Тогда, возможно, нам стоит прекратить рыть. Чтобы не погребли себя заживо.

— Слишком поздно, — прошептал он. — Трещина уже прошла. И по ней сочится свет. Проклятый, невыносимый свет.

Он не попрощался, резко развернулся и зашагал прочь, его шаги гулко отдавались под сводами. Оливия осталась стоять, прижимая ладонь к груди, где сердце билось с безумной силой, словно пытаясь вырваться из клетки рёбер.

Он остановился и вернулся назад. Остановился в шаге от нее долго смотрел ей в глаза потом резко взял её руку, поцеловал и не сказав ни слова ушел прочь.

Последняя встреча перед бурей случилась на музыкальном вечере в одном из аристократических салонов. Воздух был густ от запаха пудры, духов и воска. Оливия, в платье из бледно-лилового атласа, с жемчужной нитью на шее, сидела рядом с матерью, стараясь не смотреть на вход. Но она всегда чувствовала его появление. Ещё до того, как раздавался шёпот, до того, как головы поворачивались в его сторону, по её спине пробегала волна жара, а воздух вокруг, казалось, сгущался и начинал вибрировать.

Он вошёл, когда уже начали играть. В безупречном чёрном фраке, который сидел на нём с вызывающей небрежностью. Его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по залу и на мгновение зацепился за неё. Она почувствовала это как физическое прикосновение. Всё её существо напряглось, каждое чувство обострилось. Она улавливала его присутствие в каждом звуке, в каждом движении воздуха — доминирующее, неоспоримое, как закон природы.

Он не подошёл. Занял место в дальнем углу, но его внимание, тяжёлое и неотрывное, она ощущала на себе весь вечер. Когда она поднималась, чтобы поправить шаль, его взгляд следил за плавным изгибом её руки. Когда она тихо отвечала на вопрос соседки, ей казалось, он читает по губам. Это было невыносимо и пьянящем. Неприятие всего этого фарса, этой музыки, этих людей достигло в ней апогея, и единственной реальностью в этом вымышленном мире был он — её враг, её союзник, её землетрясение.

На следующее утро сэр Артур Хартфорд, наблюдавший за дочерью с ледяной внимательностью, принял решение. За завтраком, под аккомпанемент стука дождевых капель о стекло, он положил нож и вилку.

— Твои нервы расстроены, Оливия. Ты бледна, потеряла аппетит. Лондонский воздух и светская суэта тебя истощают. Тётя Агата в Бате писала, что скучает. Минеральные воды и покой пойдут тебе на пользу. Ты поедешь к ней. Завтра.

Это был приговор, произнесённый спокойным, безапелляционным тоном. Оливия даже не нашла сил протестовать. Она лишь опустила глаза в тарелку, чувствуя, как последняя надежда, даже не сформулированная до конца, угасает в ней. Поездка в Бат была изящной ссылкой, началом конца.

Но судьба, насмешливая и жестокая, подарила им прощальный бал. Последний в сезоне, пышный и яркий, будто наперекор хмурой погоде. Бальный зал сиял тысячами свечей, отражавшихся в хрустальных люстрах и позолоченных зеркалах. Оливия была в платье цвета слоновой кости, расшитом серебряными нитями, которые мерцали при каждом движении, словно лунный свет на воде. Её волосы были убраны высокой причёской, оставляющей открытой длин-

ную, изящную линию шеи. Она была прекрасна, как видение, и холодна, как статуя из этого же серебра.

Её карточка для танцев, привязанная тонкой серебряной нитью к запястью, быстро заполнялась именами. Кавалеры, привлечённые её красотой и слухами о скором отъезде, выстраивались в очередь. Она механически улыбалась, кивала, позволяла вести себя в танце, но её взгляд был пустым, устремлённым куда-то внутрь себя.

И тогда появился он. Роберт Честертон вошёл в зал, и пространство вокруг него будто сжалось. Он был в тёмно-синем, почти чёрном фраке, который отливал бархатом. Его взгляд, горящий и мрачный, сразу же нашёл её в толпе. Он шёл через зал, не обращая внимания на приветствия, его цель была очевидна для всех.

Подойдя к ней в тот момент, когда она только что закончила танец с каким-то молодым графом, он, не говоря ни слова, взял её маленькую, изящную руку. Его пальцы были тёплыми и твёрдыми. Не глядя на неё, он другой рукой сорвал с её запястья карточку для танцев. Безжалостным движением он разорвал её пополам, а затем ещё и ещё, пока от неё не остались лишь клочки посеребрённой бумаги, упавшие к её ногам.

В зале воцарилась шокированная тишина. Оливия, онемев, смотрела то на его суровое, прекрасное лицо, то на обрывки у своих ног. Сердце в её груди замерло, а затем забилось с такой силой, что она боялась, его услышат все.

— Этот танец, — его голос, низкий и властный, прозвучал абсолютно чётко в тишине, — мой.

Оркестр, будто повинувшись его воле, заиграл вальс. Роберт, не выпуская её руки, повёл её на середину зала. Его движение было не приглашением, а повелением. И она, не в силах сопротивляться, не желая сопротивляться, сделала шаг навстречу.

Он обнял её за талию, его ладонь жгла даже через слои ткани. Их свободные руки соединились. И они закружились. Это не был танец. Это было падение, полёт, битва и капитуляция одновременно. Он вёл её уверенно, сильно, почти грубо, и она следовала за ним, её тело, вымученное годами уроков, двигалось в идеальной согласии с его порывами.

Он был так близко. Она чувствовала исходящее от него тепло, улавливала его запах — дорогого мыла, свежего белья, кожи и чего-то неуловимого, сугубо мужского, доминирующего, от чего у неё кружилась голова. Её собственный аромат — фиалок и миндаля — должно быть, достигал его, потому что его пальцы слегка сжали её талию, а взгляд, прикованный к её лицу, стал ещё темнее, ещё интенсивнее.

Они не говорили. Они просто смотрели друг другу в глаза. В его стальных глубинах бушевала буря — ярость, боль, отчаянное желание и прощание. В её фиалковых глазах таял лёд, обнажая бездонную, испуганную нежность и такую тоску, что ему захотелось сжать её ещё крепче, спрятать от всего мира.

Круги вальса уносили их от любопытных взглядов, от шепота, от всего. В этот миг существовали только они двое, музыка, мерцание свечей и сокрушительное понимание того, что это — последний танец. Последняя точка соприкосновения их миров перед неизбежным расставанием.

Когда последние аккорды вальса затихли, они замерли. Его рука ещё лежала на её талии, её пальцы всё ещё покоились на его плече. Воздух между ними трепетал от невысказанных слов, от несовершенных поступков. Он медленно, будто против своей воли, опустил её руку и отступил на шаг. Его лицо снова стало холодной, непроницаемой маской.

— Прощайте, мисс Хартфорд, — произнёс он так тихо, что услышала только она. — Желаю вам... целебных вод в Бате.

И прежде чем она смогла что-то ответить, он повернулся и затерялся в толпе, оставив её одну в центре зала, среди обрывков её разорванной карточки, под испепеляющими взглядами всего света, с сердцем, разбитым на тысячи осколков, каждый из которых отражал его лицо.

Глава 6

Ночь перед отъездом была похожа на долгую агонию. Воздух в особняке Хартфордов застыл, густой и ледяной, пропитанный невысказанными упрёками и молчаливой яростью. Оливия, упаковывая вещи под бдительным оком мисс Клары, чувствовала себя узником, готовящимся к этапу. Каждое платье, аккуратно сложенное горничной, казалось гробом для одной из её несбывшихся надежд.

Ссора грянула за ужином, как внезапный удар грома в замерзшей тишине. Сэр Артур, отпивая бургундское, положил нож с таким звонким стуком, что Оливия вздрогнула.

— Надеюсь, в Бате ты обретёшь не только здоровье, но и благоразумие, — начал он, не глядя на дочь. Его голос был ровным, но каждый звук отточен, как лезвие. — Эта... выходка Честертона на балу сделала тебя посмешищем. Твоё имя теперь на устах у каждой кумушки. Скандал, которого я так опасался, стал реальностью. Ты позволила этому ветренику публично унижить тебя.

— Он не унижал меня, — вырвалось у Оливии прежде, чем она успела подумать. Голос её звучал тихо, но чётко. — Он...

— Он что? — сэр Артур перебил её, и его глаза, холодные, как сталь, наконец устремились на неё. — Он показал всем, что ты — его собственность, которую можно отобрать, когда вздумается? Что у тебя нет ни воли, ни чувства собственного достоинства, чтобы остановить этот фарс?

— Артур, пожалуйста... — робко начала леди Элеонора, но он резко повернулся к ней.

— Молчи! Это и твоя вина! Ты воспитала в ней эти романтические бредни! Мечты о сцене, о страсти! В нашем мире это не мечты, Элеонора, это — слабоумие! И оно ведёт к краху!

Оливия встала. Всё её тело дрожало, но спина была пряма.

— Я не слабоумна, отец. И мои чувства — не бредни. Они — единственное, что принадлежит мне по-настоящему в этом доме.

Сэр Артур медленно поднялся из-за стола.

— Ничего в этом доме тебе не принадлежит, Оливия. Ни платья на твоём теле, ни драгоценности, ни будущее. Всё это — часть капитала, который я приумножаю. А ты своим поведением этот капитал обесцениваешь. Поездка в Бат — не лечение. Это карантин. Чтобы зараза твоего неповиновения не распространилась дальше.

В её глазах, широко открытых, впервые засверкали не слёзы, а гнев. Чистый, обжигающий гнев.

— Я не зараза. Я — ваша дочь. Или вы уже вычеркнули меня из своих бухгалтерских книг? Я не против!

Его ладонь опустилась на стол с такой силой, что зазвенел хрусталь.

— Довольно! Завтра ты уезжаешь. И вернёшься только тогда, когда тётя Агата напишет, что в твоей голове наконец восторжествовал здравый смысл. А о Честертоне забудь. После этой истории ни один приличный человек, а уж тем более он, на тебя и не взглянет. Ты для него была забавой, игрушкой. Игрушкой, которой он наигрался.

Оливия не ответила. Она развернулась и вышла из столовой, оставив за спиной гробовую тишину, нарушаемую лишь сдавленными рыданиями матери.

Утро отъезда выдалось хмурым и бесцветным, как пепел. Небо, низкое и однородно-серое, словно вылилось в туман, окутавший Лондон влажной, пронизывающей пеленой. Капли конденсата медленно сползали по стёклам экипажа, ожидавшего у подъезда. Воздух пах мокрым камнем, лошадиным потом и тоской.

Прощание с отцом состоялось в холле. Сэр Артур не вышел на крыльцо. Он стоял, выпрямившись, у камина, в котором тлели угли, не дающие тепла. Его фигура в тёмном сюртуке казалась вырезанной из того же холодного мрамора, что и колонны особняка.

— Путешествуй с Богом, Оливия, — произнёс он, не делая шага навстречу. Его голос был сухим отчётом, лишённым интонаций. — Надеюсь, перемена воздуха принесёт тебе ясность ума. Пиши матери о своём здоровье. Остальное — излишне.

Оливия, уже в дорожном платье и тёплой накидке, смотрела на него, пытаясь найти в этом строгом лице хоть тень отца, а не стратега. Не нашла. Только холодную оценку убывающего актива.

— Прощайте, отец, — её собственный голос прозвучал тихо и чётко, без дрожи. — Я постараюсь оправдать ваши... ожидания относительно моего выздоровления.

Он лишь кивнул, взгляд его скользнул по ней, будто проверяя комплектацию, и устремился куда-то в пространство за её спиной, к воображаемым биржевым сводкам или планам слияний. Больше нечего было сказать. Ни нежности, ни советов, ни даже формальных пожеланий счастливого пути. Только ледяная пустота, более красноречивая, чем любые упрёки.

Мисс Клара, провожавшая её до экипажа, сжала её руки в последний раз. В её глазах цвета старого серебра стояли слёзы, но улыбка была твёрдой.

— Помни, дитя моё, даже в Бате есть небо. И под любым небом можно услышать шепот собственной души, если прислушаться. Пиши мне. Обо всём.

Дорога была долгой и утомительной. Пейзаж за окном медленно менялся с городского камня на сырые поля, голые деревья, потом на более холмистую местность. Дождь то принимался стучать по крыше, то прекращался, оставляя мир в сыром, безрадостном безмолвии. Оливия не плакала. Она чувствовала странную опустошённость, будто все эмоции — и гнев, и боль, и отчаяние — остались там, в лондонской гостинице, разбитые об ледяную стену отцовского равнодушия. Осталась только тяжёлая, холодная ясность.

Тётя Агата, сестра леди Элеоноры, встретила её на пороге своего аккуратного, но несколько мрачноватого дома в Бате с выражением озабоченной доброты. Она была полной, добродушной женщиной с лицом, напоминающим испечённое яблоко, но её глаза, маленькие и проницательные, сразу оценили племянницу.

— Бедная, бедная девочка, — запричитала она, обнимая Оливию, от которой пахло дорогой и сыростью. — Совершенно измучена, в глазах лихорадочный блеск. Нервы, нервы... Лондон их совсем расстроил. Не волнуйся, милая, мы тебя здесь поправим. Покой, режим, прогулки, воды — лучшего лекарства не найти.

Тётя Агата искренне считала её больной — не телом, а духом, что в её понимании было почти одно и то же. Оливию поселили в светлой, но прохладной комнате с видом на скромный сад. Распорядок дня был расписан с медицинской тщательностью: утренний стакан тёплой воды, прогулка до Pump Room и обратно, тихие занятия рукоделием после обеда, ранний отход ко сну. Мир сузился до размеров скучного, благонамеренного быта.

Первые недели Оливия жила как во сне, механически выполняя предписания. Но постепенно острая боль сменилась глухой тоской, а тоска — потребностью что-то делать, чтобы не сойти с ума. Она начала много читать — не только романы, которые одобряла тётя Агата, но и пьесы, философские трактаты, исторические хроники, которые выписывала через лондонских книготорговцев. Затем, почти неосознанно, она взялась за перо.

Сначала это были просто отрывки, сцены, диалоги, рождавшиеся из её собственной боли и наблюдений за немногочисленным обществом Бата — за теми же «больными» и «отдыхающими», чьи драмы были спрятаны под масками приличия. Она писала о заточении, о бунте, о цене свободы, о любви, которая становится оружием. Герои её первых набросков были прозрачно знакомы: мятежный молодой человек с глазами цвета грозового неба и девушка в невидимой клетке из фарфора и условностей.

Через тётю Агату, которая, несмотря на свою ограниченность, обладала широким кругом доброжелательных знакомств, Оливия постепенно вошла в местное культурное кружок. Это были не лондонские львы, а провинциальные интеллектуалы: дочь пастора, увлечённая ботаникой, вдова офицера, писавшая неплохие стихи, молодой библиотечарь с горящими глазами, мечтавший о карьере драматурга, и несколько местных дам, скушающих без столичных развлечений. Они собирались для чтений, музицирования и дискуссий.

Именно здесь, слушая, как её новый друг, библиотечарь Эдгар Финч, с жаром рассуждает о силе драматургии, Оливию осенило. Её озарило, как яркая вспышка. Она не хочет быть актрисой, воплощающей чужие судьбы. Она хочет быть тем, кто судьбы создаёт. Кто строит миры, расставляет ловушки для чувств, зажигает огни в душах зрителей. Она хочет быть автором. Творцом. Её мечта о сцене трансформировалась, обрела новую, более мощную и точную форму — мечту о пергаменте и чернилах, о власти над историей и характерами.

С этого момента её жизнь обрела скрытую, лихорадочную цель. Под предлогом «ведения дневника для успокоения нервов», одобренного тётёй Агатой, она дни напролёт писала. Она завершила свою первую пьесу — остроумную, язвительную комедию о браке по расчёту, где героиня в финале не выходила замуж за богача, а сбегала с трупной бродячих актёров. Под псевдонимом «Элис Вернон» (соединив имя своей прабабки и название улицы, где жила мисс Клара) она отправила её Эдгару, который имел связи с небольшой лондонской театральной труппой, ищущей новый репертуар.

Ответ пришёл через два месяца. Пьесу приняли. Поставили в маленьком театре на окраине Лондона. Она имела скромный, но несомненный успех у «продвинутой» публики. Критики отметили «свежесть взгляда и дерзость мысли неизвестного автора».

Это было подобно глотку чистого воздуха после удушья. Оливия писала дальше, с жадностью и мастерством, росшим с каждой страницей. Вторая её пьеса, уже более мрачная и психологичная драма о бунте сына против отца-тирана, была поставлена в более престижном театре. Третья, романтическая трагикомедия о двух враждующих семьях, чьи дети влюбляются друг в друга, и вовсе сделала «Элис Вернон» загадочной знаменитостью. Весь Лондон гадал, кто скрывается за псевдонимом. Предполагали и известного писателя, экспериментирующего с формой, и блестящую светскую даму, скрывающую своё увлечение.

Никто не связывал таинственную «Элис Вернон» с бледной, тихой мисс Хартфорд, поправляющей здоровье в Бате. Её письма матери и мисс Кларе были полны описаний целебных вод, прогулок и рукоделия. Тётя Агата радовалась «успокоению» племянницы и её «полезному увлечению писанием».

Но в Лондоне один человек читал пьесы «Элис Вернон» с растущим, леденящим изумлением. Роберт Честертон, случайно попав на вторую постановку, с первого же акта почувствовал жуткое, необъяснимое сходство. Герой-бунтарь, его язвительные реплики, его метания между яростью и отчаянием, даже описание его внешности — всё это было до боли знакомо. Это был он. Его внутренний мир, его борьба, его боль были вывернуты наизнанку и выставлены на всеобщее обозрение под софитами.

Он пытался раскрыть тайну. Нанял частного сыщика, давил на антрепренёров, расспрашивал актёров. Все нити сходились к почтовому ящику в Бате, на имя некоего Эдгара Финча. Финч, допрошенный, признался, что является лишь агентом, передающим рукописи от настоящего автора, личность которого он поклялся не разглашать. Он описывал заказчика как «скромную леди, желающую остаться в тени». Никаких связей с Оливией Хартфорд, которая, как всем было известно, тихо чахла в провинции от нервного расстройства, найдено не было. Её имя даже не всплывало в расследовании.

Роберт приходил в бешенство от этого тупика. Кто-то знал его так глубоко? Кто-то играл с ним, выставляя его душу напоказ? Это чувство было хуже, чем любое публичное разоблачение. Это было похоже на то, что его преследует собственное призрачное, написанное пером невидимого

димого, насмешливого демона. Он перечитывал пьесы снова и снова, ловя в строчках, посвящённых женским персонажам — этим хрупким, умным, запертым в клетках душам, — отзвук другого голоса. Голоса, который он слышал лишь однажды, в последнем вальсе, и который теперь, казалось, звучал с каждой страницы, дразня его из небытия.

Глава 7

Лондон, утопая в осенней листве цвета старого золота и запёкшейся крови, казалось, забыл о двух душах, выброшенных за борт его великосветского корабля. В особняках на Парк-Лейн и Беркли-сквер царило ликование. Сделка века между сэром Артуром Хартфордом и лордом Альфредом Честертоном была заключена. Слияние капиталов, укрепление империй, взаимные гарантии — всё было скреплено подписями на бумагах, пахнущих дорогими чернилами и холодным расчётом. Чтобы отпраздновать это событие, лорд Честертон устроил грандиозный приём в своём родовом гнезде.

Залы особняка сияли, как драгоценная шкатулка. Воздух дрожал от смеха, звона бокалов, переливов струнного квартета. Всё было безупречно, богато, тяжеловесно. Сэр Артур, с лицом человека, удачно поставившего на верную лошадь, беседовал с лордом Альфредом. Их жёны, леди Элеонора и леди Изабелла, обменивались любезностями, словно две изящные фарфоровые статуэтки, выставленные для всеобщего обозрения.

А в центре этого великолепия, словно редкий трофей, демонстрировался Роберт. Его отец, с железной хваткой под локоть, вёл его через толпу.

— Позволь представить, Роберт, — голос лорда Альфреда звучал непривычно благостно. — Мисс Кристина Лурье. Племянница мужа сестры твоей матери. Приехала из Шотландии погостить. Мисс Лурье, мой сын, Роберт.

Девушка, представленная ему, была воплощением хрупкой, ледяной прелести. Белокурые волосы, уложенные в сложную, но скромную причёску, голубые, как незабудки, глаза, правильные, кукольные черты лица. Она была одета в платье нежно-розового цвета, которое делало её похожей на ожившую акварель. Она присела в изящном реверансе, опустив длинные ресницы.

— Мистер Честертон, я столько слышала о вас, — её голосок был мелодичным, тихим, подобранным точно по нотам. — Мой дядя так тепло отзывался о вашей семье.

Роберт, затянутый в безупречный фрак, чувствовал, как маска циничного равнодушия намертво прилипла к его лицу. Он склонил голову, взял её руку, едва касаясь губами воздух над её перчаткой.

— Очарован, мисс Лурье. Шотландия... Должно быть, вы скучаете по своим горам и вереску среди лондонского смога.

В её глазах что-то мелькнуло — быстрый, как укол, расчёт.

— О, лорд Честертон и леди Изабелла были так добры, что я чувствую себя здесь как дома. Лондон полон возможностей, не правда ли? Особенно для тех, кто умеет ценить... стабильность.

Её слова были безупречны, но в них слышался стальной лязг монет. Роберт понял всё с первого взгляда. Это не невинная провинциалка. Это хищница в одежде агнеца. Она видела в нём не человека, а дверь в мир несметных богатств Честертонов, и была готова эту дверь вышибить. От этой мысли его тошнило, но он лишь улыбнулся своей самой блестящей, самой пустой улыбкой.

— Стабильность — это действительно редкая драгоценность, мисс Лурье. Надеюсь, Лондон не разочарует ваших ожиданий.

Весь вечер они были неразлучны — по воле отцов. Роберт исполнял свою роль с отточенным, почти театральным мастерством. Он шутил, подавал ей бокал, вёл к ужину. Со стороны это выглядело как начало красивого, выгодного для всех романа. Лорд Альфред смотрел на них с одобрением. Сэр Артур, чья дочь была теперь далеко и, как он считал, «пришла в чувство», также видел в этом дополнительную скрепу для сделки.

Новости, как ядовитый дым, добрались до Бата. Их принесла тётя Агата, прочитавшая светскую хронику в утренней газете за чашкой какао.

— Ах, милая, послушай, какая милая новость! — воскликнула она, поправляя очки. — Твой отец и лорд Честертон заключили партнёрство. Какое благородное дело! И, говорят, на празднике у Честертонов молодой Роберт всё внимание уделял прелестной племяннице из Шотландии, мисс Кристине Лурье. Говорят, она очаровательна и очень скромна. Какой удачный союз мог бы получиться!

Оливия, сидевшая у окна с вышивкой в руках, не дрогнула. Лишь пальцы её, державшие иглу, побелели в суставах. Она не ожидала ничего иного. Она знала правила игры. Но знание не смягчило удара. Боль была острой, физической, как удар кинжалом под рёбра. Он забыл. Стерся, как набросок на песке, смытый приливом новых обстоятельств. Её тихая, безумная надежда, которую она даже себе не решалась признать, рассыпалась в прах.

— Да, — произнесла она своим ровным, прозрачным голосом. — Очень мило.

В тот вечер она не притронулась к ужину. Так проходили дни, ей писали знакомые про Лурье, и она уже сделала свои выводы о ней. Запершись в своей комнате, она доставала стопку исписанных листов. Это была её новая пьеса. Комедия, но комедия ядовитая, с бритвенным лезвием иронии. История о молодом человеке, продающем свою свободу и душу за право распоряжаться чужими капиталами, и о девушке, которая под маской невинности плетёт паутину, чтобы завладеть этими капиталами. Она писала с яростью, с холодной, беспощадной точностью. Каждая реплика героя-предателя была отточенным алмазом, в гранях которого она видела отражение его стальных глаз. Каждая уловка героини-интриганки была выписана с таким знанием светских механизмов, что становилось страшно. Она выплёскивала на бумагу всю свою боль, всё презрение, всю горькую мудрость, полученную в тишине батской ссылки.

Пьеса, отосланная под псевдонимом «Элис Вернон», была немедленно принята. Более того — её поставили на сцене театра «Ковент-Гарден». На той самой сцене, о которой она мечтала когда-то как актриса, теперь должна была звучать её пьеса. Ирония судьбы была совершенной.

Премьера стала событием сезона. Весь высший свет стремился попасть в зал. Спектакль шёл с аншлагом. В одной из центральных лож, величественные и довольные, сидели сэр Артур и леди Хартфорд, лорд Альфред и леди Изабелла Честертон. Рядом с ними — Роберт и мисс Кристина Лурье. Девушка была в роскошном платье цвета слоновой кости, её рука лежала на бархате обивки рядом с рукой Роберта. Она улыбалась, кивала, ловила восхищённые взгляды. Она уже чувствовала себя почти хозяйкой в этом мире.

Роберт же с первого акта сидел, словно окаменев. Узнавание было мгновенным и сокрушительным. Герой на сцене, произносивший язвительные монологи о долге, деньгах и предательстве самого себя, был его карикатурным двойником. А героиня, эта «невинная» провинциалка с цепкими руками и холодным сердцем, — её пронзительный, насмешливый взгляд был устремлён прямо на него, Роберта, сидящего в ложе. Каждое слово, каждая интонация актёров били точно в цель. Это была не просто пьеса. Это была публичная казнь. И палачом был тот самый невидимый демон, «Элис Вернон».

Он чувствовал, как под воротником фрака выступает холодный пот. Он видел, как его отец вначале хмурится, потом начинает понимать, и на его лице появляется смесь ярости и изумления. Он видел, как мисс Лурье, уловившая некоторые намёки, бледнеет, а её сладкая улыбка становится оскалом. Он видел, как сэр Артур Хартфорд бросает на него тяжёлый, оценивающий взгляд.

Актёр, игравший героя, произносил финальный монолог, глядя прямо в зал: «И вот я стою среди обломков чужого выбора, в позолоченном склепе собственной трусости. Я продал бурю в своей крови за тихое болото ренты. И самое ужасное, что я даже не знаю, кто выписал

этот вексель — я сам или те, кто решил, что моя жизнь стоит ровно столько, сколько за неё дадут на бирже наследств».

В зале повисла гробовая тишина, а затем раздались взрывы аплодисментов — восторженных, шокированных, негодующих. Роберт встал. Его движения были механическими. Не глядя на спутников, он вышел из ложи, прошёл через толпу, не слыша и перешёптываний. Он вышел на холодную ночную улицу, где туман цеплялся за фонари, и закурил, чувствуя, как его руки дрожат.

Он знал. Он был абсолютно уверен. Только один человек на свете мог знать его так, чтобы вывернуть наизнанку. Только одна душа могла быть одновременно и палачом, и единственным свидетелем его настоящего «я». «Элис Вернон» была ею. Оливией.

И в этот момент, стоя в промозглом лондонском тумане, он понял, что игра, которую он считал проигранной, только начинается. И что его невеста-хищница, мисс Кристина Лурье, с её жадными глазами, — всего лишь пешка на доске, где истинными игроками были он и та, чьё перо оказалось острее любой шпаги.

Глава 8

Весна в Бате расцветала с тихой, но настойчивой роскошью. Воздух, ещё недавно пропитанный зимней сыростью, теперь был напоён ароматами влажной земли, распускающихся почек и первых гиацинтов. Солнце, робкое и тёплое, золотило древние римские стены и заставляло искриться капельки росы на ковре из молодой травы в Сидней-Гарденз. Именно здесь, на одной из тенистых аллей, Джек О'Брайен, приехавший по делам отца, касающимся поставки лошадей для местной знати, и столкнулся с Оливией.

Она шла в компании двух новых подруг. С одной стороны — мисс Элоиза Грэм, дочь пастора, высокая, угловатая девушка с умными, добрыми глазами за стёклами очков и неис требимыми рыжеватыми завитками, выбивавшимися из-под простой соломенной шляпки. Она несла под мышкой увесистый фолиант по ботанике и с энтузиазмом указывала на редкий вид первоцвета. С другой — миссис Виолетта Брайс, молодая вдова офицера, женщина лет двадцати пяти с лицом печальной мадонны и ироничным, острым взглядом. Она была одета с элегантной простотой, а её тихий голос обладал удивительной способностью утихомиривать любые споры.

Но центром этой маленькой группы была, несомненно, Оливия. И дело было не только в её красоте, которая, казалось, лишь расцвела вдали от лондонского смога. Изменился её стиль. Вместо привычных бледно-голубых и лавандовых тонов на ней было платье из шёлковой ткани цвета спелой вишни, оттенённое тонкой шалью из дымчатого кружева. Цвет был смелым, почти вызывающим для провинциального Бата, но он удивительно гармонировал с тёплым оттенком её кожи и глубоким цветом волос, уложенных не в строгую столичную причёску, а в более мягкий узел, из которого живописно выбивались несколько завитков. В руках она держала не веер, а небольшую записную книжку в кожаном переплёте и карандаш. В её осанке не было прежней скованности — лишь спокойная, уверенная грация. Она смеялась над чем-то, что сказала миссис Брайс, и этот смех, звонкий и естественный, заставил Джека на мгновение замереть.

— Мисс Хартфорд? Чёрт возьми, простите... то есть, Боже мой, какая неожиданная встреча! — вырвалось у него, когда он, сняв шляпу, преградил им путь.

Оливия вздрогнула, и на мгновение в её фиалковых глазах мелькнула тень былой тревоги, но тут же сменилась искренним удивлением и даже радостью.

— Мистер О'Брайен! Какими судьбами?

Представив своих спутниц, которые с любопытством разглядывали коренастого молодого человека с открытым, загорелым лицом и насмешливыми глазами, Оливия предложила прогуляться вместе. Мисс Грэм и миссис Брайс, проявив такт, вскоре сослались на неотложные дела и удалились, оставив их наедине на скамье с видом на извилистую реку Эйвон.

— Вы прекрасно выглядите, мисс Хартфорд, — начал Джек, вертя в руках свою фетровую шляпу. — Совсем не так, как... — он запнулся.

— Как должна выглядеть нервно больная, отправленная на воды? — закончила она с лёгкой улыбкой. — Воды, знаете ли, мистер О'Брайен, иногда действуют неожиданно. Они не столько лечат, сколько проясняют взгляд.

— Это заметно, — кивнул он, искоса наблюдая за ней. — И цвет вам к лицу. Смелый. Роб бы... — он снова замолчал, поймав её насторожённый взгляд. Вдохнул. — О чёрт. Я всегда был плохим дипломатом. Он здесь был, знаете ли. Роберт.

Оливия не шелохнулась, лишь пальцы её чуть сильнее сжали переплёт книжки.

— В Бате?

— Да. Не один раз. Вскоре после вашего отъезда. Потом снова, прошлой осенью. Спрашивал, расспрашивал о вас у всяких подрядчиков, у хозяина гостиницы, даже, кажется, у

садовника вашей тётушки. Хотел знать, как вы поживаете, всё ли у вас в порядке, не нуждаетесь ли вы в чём-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.